

Check for updates

Филологические науки

УДК 81'37:[811.161.1+811.512.111]

EDN PNZEYQ

<https://www.doi.org/10.33910/1992-6464-2026-219-262-268>

Научная статья

Лексическая категория «детали одежды» в моделировании языковой картины мира: русско-чувашские параллели

Е. А. Григорьева ¹

¹ Чувашский государственный университет им. И. Н. Ульянова,
428015, Россия, г. Чебоксары, пр. Московский, д. 15

Для цитирования: Григорьева, Е. А. (2026) Лексическая категория «детали одежды» в моделировании языковой картины мира: русско-чувашские параллели. *Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена*, № 219, с. 262–268. <https://www.doi.org/10.33910/1992-6464-2026-219-262-268>
EDN PNZEYQ

Получена 22 июля 2025; прошла рецензирование 22 сентября 2025; принята 26 февраля 2026.

Финансирование: Исследование не имело финансовой поддержки.

Права: © Е. А. Григорьева (2026). Опубликовано Российским государственным педагогическим университетом им. А. И. Герцена. Открытый доступ на условиях [лицензии CC BY 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Аннотация

Введение. Настоящее исследование выполнено на стыке стремительно развивающихся дисциплин синтезирующего типа — лингвокультурологии и когнитивной лингвистики, и обращено к актуальной проблеме современного антропоцентрического языкознания — реконструкции национальных языковых картин мира. Статья посвящена выявлению особенностей репрезентации «одежного» кода в русской и чувашской языковых картинах мира путем сравнительно-сопоставительного семантического анализа лексической категории «детали одежды». Особое внимание в работе уделено лексемам «ворот» / «воротник» (чув. сұха), «карман» (чув. кёсье), «подол» (чув. аркă), «рукав» (чув. şанă).

Материалы и методы. Материалом исследования послужили языковые примеры, отобранные из русских и чувашских толковых, фразеологических, диалектных словарей, а также контексты, извлеченные из фольклорных сборников. При осуществлении исследования автором использованы следующие методы: сплошная выборка языковых примеров, анализ словарных дефиниций, концептуальный и контекстологический анализы, сопоставительный метод.

Результаты исследования. В результате исследования установлено, что лексическая категория «детали одежды» широко репрезентирована в русском и чувашском языках. Межъязыковые отношения между анализируемыми в настоящей работе лексемами строятся по принципу пересечения. В ходе анализа фактического материала выявлены универсальные черты и национально-специфические особенности языковой репрезентации лексической категории «детали одежды». К универсальным чертам следует отнести то, лексема «карман» актуализирует в обоих языках общее значение наличия / отсутствия денег и тесно связанные с данным значением мотивы — воровство, взяточничество, бедность; лексема «подол» обладает гендерной маркированностью и семантически соотносится с представительницами женского пола. Национально-специфическая черта русской языковой картины мира обусловлена сходной ассоциативно-образной организацией лексем «ворот» / «воротник» и «шея». Яркая особенность чувашской лингвокультуры связана с наличием в ней концептуальной оппозиции «женский подол — мужская рука».

Заключение. Результаты настоящего исследования призваны содействовать дальнейшему изучению репрезентации «одежного» кода в аспекте различных культур и языков.

Ключевые слова: русская языковая картина мира, чувашская языковая картина мира, лингвокультура, репрезентация «одежного» кода, лексическая категория, детали одежды, семантика, национально-культурные особенности

The lexical category ‘clothing details’ in modelling the linguistic worldview: Russian–Chuvash parallels

Е. А. Григорьева ✉¹

¹ I. N. Ulyanov Chuvash State University, 15 Moskovsky Prospekt, Cheboksary 428015, Russia

For citation: Grigorieva, E. A. (2026) The lexical category ‘clothing details’ in modelling the linguistic worldview: Russian–Chuvash parallels. *Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*, no. 219, pp. 262–268. <https://www.doi.org/10.33910/1992-6464-2026-219-262-268> EDN PNZEYQ

Received 22 July 2025; reviewed 22 September 2025; accepted 26 February 2026.

Funding: The study did not receive any external funding.

Copyright: © E. A. Grigorieva (2026). Published by Herzen State Pedagogical University of Russia. Open access under CC BY License 4.0.

Abstract

Introduction. This study, situated at the intersection of linguacultural studies and cognitive linguistics, addresses the reconstruction of national linguistic worldviews — a key issue in modern anthropocentric linguistics. The article identifies how the ‘clothing’ code is represented in Russian and Chuvash linguistic worldviews through a comparative semantic analysis of the lexical category ‘clothing details’. Particular attention is paid to the lexemes ‘collar’ (Russian: *воротник*; Chuvash: *суха*), ‘pocket’ (Russian: *карман*; Chuvash: *кёсье*), ‘hem’ (Russian: *подол*; Chuvash: *аркă*), and ‘sleeve’ (Russian: *рукав*; Chuvash: *чанă*).

Materials and Methods. The research material includes language examples selected from Russian and Chuvash explanatory, phraseological, and dialect dictionaries, as well as contexts drawn from folklore collections. The study employed continuous sampling of language examples, analysis of dictionary definitions, conceptual and contextual analyses, and the comparative method.

Results. The lexical category ‘clothing details’ is widely represented in both Russian and Chuvash. Interlingual relations between the lexemes studied are based on the principle of intersection. The analysis identified both common features and specific national features in how this category is represented in the two languages. In both languages, the lexeme ‘pocket’ actualizes the general meaning of the presence/absence of money and associated themes — theft, bribery, and poverty; the lexeme ‘hem’ is gender-marked and semantically correlates with the female gender. A national-specific feature of the Russian linguistic worldview is that the lexemes ‘collar’ (Russian: *ворот*, *воротник*) and ‘neck’ (Russian: *шея*) have a similar associative–figurative organization. A prominent national-specific feature of Chuvash linguoculture is the conceptual opposition ‘woman’s hem — man’s hand’.

Conclusions. The findings may support further study of how the ‘clothing’ code is represented across various cultures and languages.

Keywords: Russian linguistic worldview, Chuvash linguistic worldview, linguaculture, representation of the ‘clothing’ code, lexical category, clothing details, semantics, national–cultural features

Введение

Одежда занимает важное место в материальной культуре любого народа. Являясь результатом многолетнего человеческого труда и, как следствие, подтверждением развития этноса, она выступает носителем определенных культурных кодов, транслирующих социально-исторические перемены, традиции. В частности, наименования одежды и ее деталей часто включают в себе информацию о гендерных ролях, профессиональной принадлежности и социальном статусе человека. Лексемы, называющие одежду, кроме того, отражают в своем ассоциативно-семантическом пространстве и общезначимые ценности, идеалы, принципы, передающиеся в словесной форме от поколения

к поколению. Данный факт позволяет назвать анализируемые в настоящей работе лексемы лингвокультурами, содержащими «сегменты не только языка (языкового значения), но и культуры (внеязыкового культурного смысла), репрезентируемые соответствующим знаком» (Воробьев 2006, 44).

Исследование выполнено в рамках стремительно развивающихся дисциплин синтезирующего типа — лингвокультурологии и когнитивной лингвистики, и обращено к масштабной проблеме современного антропоцентрического языкознания — реконструкции национальных языковых картин мира.

Цель работы заключается в выявлении особенностей репрезентации «одежного» кода в русской и чувашской языковых картинах мира

путем сравнительно-сопоставительного анализа семантики лексических единиц, фразеологических оборотов, входящих в лексическую категорию «детали одежды». В рамках исследования указанной категории особое внимание было уделено лексемам «ворот» / «воротник» (чув. *сұха*), «карман» (чув. *кёсье*), «подол» (чув. *аркă*), «рукав» (чув. *санă*) как наиболее репрезентированным в обоих языках.

В определении категории мы солидарны с Н. Н. Болдыревым, считавшим, что «категории как классы языковых объектов с общими концептуальными характеристиками приобретают характер особых форматов знания, выполняющих специфическую роль в организации и оперативном использовании знаний о мире, о языке как части мира, о способах их обработки и интерпретации человеком» (Болдырев 2006, 6).

Материалом исследования послужили языковые примеры, отобранные из толковых, диалектных, фразеологических словарей русского и чувашского языков, а также контексты, извлеченные из фольклорных сборников.

В качестве теоретической основы исследования были избраны труды С. Г. Воркачева, В. В. Воробьева, В. И. Карасика, Ю. С. Степанова, посвященные проблеме взаимодействия языка и культуры, а также работы Н. Н. Болдырева, В. З. Демьянкова, Е. С. Кубряковой, З. Д. Поповой и И. А. Стернина, раскрывающие когнитивные аспекты языковой концептуализации и категоризации мира.

«Одежный» код в русской языковой традиции изучен основательно и подробно. Отметим в этой связи работы М. А. Ковшовой (Ковшова 2015), Н. В. Миловой (Милова 2009), А. В. Тихомировой (Тихомирова 2013). Представлен в науке и ряд сравнительно-сопоставительных исследований, выполненных на материале русского и чувашского языков, посвященных изучению репрезентативных возможностей лексем, называющих головные уборы (Борисова, Григорьева 2025), обувь (Григорьева 2025). Что касается изучения деталей одежды, необходимо признать явный недостаток научных трудов и отсутствие комплексных исследований в аспекте русского и чувашского языков. Выделим немногочисленные сравнительно-сопоставительные работы, посвященные исследованию семантики лексемы «подол» (на материале русского и хакасского языков) (Абдина 2014), «рукав» и «карман» (на материале русского и французского языков) (Николаева, Юрина 2012). Данным фактом подтверждается новизна настоящей работы.

Лексическая категория «детали одежды» в русской и чувашской языковых картинах мира

И в русском, и в чувашском языках лексемы «ворот» / «воротник» (чув. *сұха*), «карман» (чув. *кёсье*), «подол» (чув. *аркă*), «рукав» (чув. *санă*) обладают широким репрезентативным потенциалом, характеризуются богатством ассоциативно-образных связей и наличием многочисленных переносных значений.

Ворот / воротник (чув. *сұха*) в сравниваемых языках актуализирует значение 'принуждать кого-л. к какому-л. действию', 'настойчиво требовать чего-л. от кого-л.: *тянуть за ворот* (Федоров 2008), *брать (взять) за воротник* (Федоров 2008) и *сухаран ярса тымт* 'схватить за ворот / воротник' (Андреев и др. 1985).

Отметим, что в русской языковой традиции лексема «ворот» имеет сходные ассоциативно-образные ряды с лексемой «шея». Сравните: *висеть (сидеть) на шее* 'быть в тягость кому-л., находясь на его попечении, иждивении' и *спихнуть на ворот* 'переложить свои заботы, дела на кого-л.'. Отсюда и устойчивое сочетание *нашейники-наворотники* в значении 'дети' (Словарь русских народных говоров 1983, вып. 19). Связь с лексемой «шея» обнаруживается в устойчивых сочетаниях *давать по шее* (Федоров 2008) и *начистить воротник* (Елистратов 1994), имеющих общую семантику 'побить кого-л.'. В русском языке, кроме того, представлены сочетания *залить за ворот*, *заложить за воротник* в значении 'выпить спиртное': *Он не пьет, а только за ворот льет* (Даль 1989, т. 2).

Ворот в сознании русского народа также может ассоциироваться с чем-то близким, рядом расположенным: *Ум за морем, а смерть за воротом* (Даль 1989, т. 1).

В русской и чувашской языковых картинах мира наличие воротника на одежде оказывается крайне важным и необходимым. Например: *Одна пола — во сто рублей, / Другая — во тысячу, / Хребту и воротнику — цены нет* (Мызников 2021, вып. 52); *Тăйлăп сұхаллă пултăр, сұрт тăрăллă пултăр* 'Чтобы тулуп был с воротником, а дом с крышей' (Юмарт 1984), *Кёне сұхаллă, тата мён кирлĕ?* 'Рубашка с воротником, что еще нужно?' (Юмарт 1984).

Существенным для русской и чувашской лингвокультур является то, каким образом расшит ворот, чем украшен. Сравните: *Кашемирову рубашку сошью, / Я сповырежу косой вороток, / Насажу я разных пуговок рядок* (Сороколетов 2006, вып. 40); *Ука кирлĕ сұха савăрма, хайла кирлĕ юрă юрлама* 'Чтобы обшить ворот, нужны

позументы, чтобы спеть песню, нужно искусство' (Андреев и др. 1985). Преобладающим при этом в чувашской языковой традиции оказывается мотив щегольства, ухаживания, подшучивания. Яркое подтверждение этому находим в чувашском фольклоре: *Ылтӑн ука сұха савӑрать, маттур ача сар хӗр савӑрать* 'Золотые позументы украшают воротник, а молодец девушку завлекает' (Ашмарин 1937, т. 12); *Юрататӑн кӗпине, / Юрататӑн сұхине. / Юрататӑн ачине — / Аван ташлаканнине* 'Люблю платье, / Люблю воротник. / Люблю друга — / Хорошо танцующего' (Юмарт 1978).

Карман (чув. кӗсье) в русском и чувашском языках ассоциативно связан с деньгами: полный (толстый) карман символизирует богатство, пустой (тощий) карман — бедность. Причина этому, вероятно, кроется в происхождении данного слова. Как отмечают авторы этимологических словарей, слово «карман» заимствовано из тюркских языков и является суффиксальным образованием от «карма» (держат) с исходным значением 'то, в чем держат (деньги и т. д.)'.

Русская и чувашская фразеология изобилует устойчивыми сочетаниями с опорным словом «карман», в семантике которых обнаруживается значение наличия / отсутствия денег. Сравните: *бить по карману* 'наносить материальный убыток кому-л.' (Федоров 2008), *ветер в карманах гуляет* 'жить в нужде' (Федоров 2008), *без гроша в кармане* 'совсем, совершенно без денег' (Федоров 2008), *жить по карману* 'в соответствии с имеющимися средствами, достатком' (Федоров 2008), *унӑн кӗсьи хулӑн, укҫа-тенкӗ тулли кӗсье* 'толстый карман' (Скворцов, Скворцова 2002).

Русский и чувашский фольклор оказывается богатым и на пословицы и поговорки. Наиболее частотными оказываются паремии, в которых доминируют следующие мотивы:

- крестьянская бедность, нищета: *в одном кармане пусто, в другом капуста* (Даль 1989, т. 1); *хватить в карман — ан дыра в горсти* (Даль 1989, т. 1); *в одном кармане вошь на аркане, в другом блоха на цепи* (Даль 1989, т. 1); *в брюхе не густо, и в кармане пусто* (Рыбникова 1961); *илӗчӗ те илессе, кӗсьи тӗпӗ якарах* 'взял бы, да дно кармана гладкое' (Ашмарин 1934, т. 6);
- воровство, кража: *проворна Варвара на чужие карманы* (Даль 1989, т. 1); *он по карманам молебны служит* (Даль 1989, т. 1); *ворована копеечка карман дерет: сама уйдет и рубли уведет* (Рыбникова 1961); *лашапа вӑрла, кӗсьепа вӑрласан тӗрмене лартасӑ* 'воруй на лошади, за карманную кражу сажают в тюрьму' (Терентьева 2007);

— взяточничество: *судьям то и полезно, что в карман полезло* (Даль 1989, т. 1); *в суд ногой — в карман рукой* (Даль 1989, т. 1); *в поповский карман с головкой спрячешься* (Даль 1989, т. 2); *пуп кӗсьи нӑхрен пек тарӑн* 'у попа карман глубокий, как погреб' (Терентьева 2007).

Отдельно следует выделить пословицы и поговорки, указывающие на определенные черты характера человека. В русском языке обнаруживаются фольклорные единицы, семантически связанные качествами: 1) расточительность: *у него не карман, а решето* (Даль 1989, т. 1); 2) остроумие: *за словом в карман не полезет* (Даль 1989, т. 1); 3) расторопность: *продешевил, так карманом доплатил* (Даль 1989, т. 1); 4) хвастовство, щегольство: *деньжонок-то намале, да руки в кармане* (Даль 1989, т. 2); 5) бестолковость: *карман толстой, да ум пустой* (Рыбникова 1961).

В чувашской лингвокультуре представлены пословицы и поговорки, указывающие на такие качества: 1) лень: *укҫа кӗсье тӗпӗ тавӑрмасть* 'деньги просто так в карман не придут' (Терентьева 2007), *кахал сынӑн кӗсьи пушӑ* 'у ленивого человека карман пустой' (Юмарт 1984); 2) хитрость: *чее сынӑн супӑньпе мунчала кӗсьинчех* 'у хитрого человека мыло и мочалка в кармане' (Терентьева 2007).

Общим для сравниваемых языков является значение бережливости, запасливости: *лишняя деньга не продерет кармана* (Даль 1989, т. 2); *лишняя денежка карману не тяга* (Даль 1989, т. 2); *запас кӗсьене касмасть* 'лишние деньги карман не режут' (Юмарт 1984).

Лексема «**подол**» (чув. **аркӑ**) в русской и чувашской лингвокультурах является гендерно маркированной и ассоциативно соотносится с представительницами женского пола: *попал огонь бабе в подол — пошло гореть село* (Рыбникова 1961); *хӗрарӑм — аркипе, арсын — аллипе* 'женщина — подолом, мужчина — руками' (Терентьева 2007). Отметим, что в чувашском фольклоре яркое выражение находит концептуальная оппозиция «женский подол — мужская рука», где подол олицетворяет нежность, красоту, а рука — трудолюбие, мужество и силу. Ярким примером этому служат строки из чувашской народной песни: *Хӗрсен арки тивмесен, / Чечек тӑрри сурӑлмӗ; / Арсын алли тивмесен, / Ана сийӗ хуралмӗ* 'Если подол девушек не тронет землю, / Цветы не распустятся; / Если мужская рука не тронет землю, / Поле невспаханным останется' (Юмарт 1978).

В русском языке представлено множество фразеологизмов с опорным словом «подол», указывающих либо на предосудительное, легкомысленное поведение женщин: *крутить (крутнуть) подолом* (Федоров 2008), *мести подолом*

(Федоров 2008), *трепать подол* (Федоров 2008), либо на испорченную репутацию, супружескую неверность: *быть с грязным подолом* (Сороколетов 1994, вып. 28), *подол не чистый* (Сороколетов 1994, вып. 28), *приносить (принести) в подоле* (Федоров 2008).

В обоих сравниваемых языках лексема «подол» ассоциативно связывается с мужчинами, не проявляющими самостоятельности, во всем подчиняющимися женщине (жене, матери). Сравните: *лучше умирать в поле, чем в бабьем подоле* (Даль 1989, т. 1); *айван арсын хёрарям арки айёнче* 'простодушный мужчина под подолом женщины' (Терентьева 2007).

Для чувашской лингвокультуры свойственна параллель между длинным подолом и коротким рукавом, символизирующими бедность и нищету: *аркине татса шаннине сыпасси сук сын ёсё* 'отрезать подол и удлинить рукав — дело бедняка' (Терентьева 2007).

Лексема «рукав» (чув. *шанӑ*) в русском и чувашском языках представлена в устойчивых сочетаниях, характеризующих плодотворную / безрезультативную деятельность человека: *засучив рукава* 'усердно, старательно, энергично' (Федоров 2008), *спустя рукава* 'небрежно, кое-как' (Федоров 2008), *шанна тавӑр* 'засучив рукава' (Скворцов, Скворцова 2002).

Связанными со словом «рукав» в русской лингвокультуре оказываются следующие значения: 1) бесхозяйственность: *добрая жена дом сбережет, а плохая рукавом разнесет* (Даль 1989, т. 1); 2) глупость: *куда рукава, туда и клинья* (Даль 1989, т. 1); 3) бедность, нищета: *кому жилетка, кому рукава от жилетки* (Рыбникова 1961).

Мотив щегольства, хвастовства в русской языковой картине мира раскрывается при обязательном указании на ширину рукава: *широки рукава, видно, что с трубецкого двора* (Даль 1989, т. 2).

Плакать в рукав — устойчивое сочетание и сквозной мотив как русского, так и чувашского фольклора: *У Машеньки заплаканы глаза, / У красавицы затёрты рукава* (Гацак 1998); *Кушсуль юхан шанӑпа, шанӑ ситмесен аркапа* 'Слезы текут — вытирай рукавом, рукава не хватит — подолом' (Терентьева 2007). В чувашских народных песнях данный мотив особенно ярко раскрывается в контекстах, повествующих о жизни сирот и бедняков: *Аишӗ-амӑшӗр, ай, ачисем / Хура куш шывне питне сӑвать, / Шанни вӗшне питне шӑлатъ — / Унӑн чунӗ, ай, хурланатъ* 'Дети-сироты / Лицо умывают слезами, / Рукавом лицо вытирают — / Их душа, ай, печалится' (Юмарт 1978).

Таким образом, межъязыковые отношения между русскими лексемами «ворот» / «воротник»,

«карман», «подол», «рукав» и соответствующими им чувашскими лексемами «суха», «кӗсье», «аркӑ», «шанӑ» строятся по принципу пересечения, что подтверждается частичным совпадением переносных значений и ассоциативно-образных рядов.

Заключение

В настоящей работе впервые осуществлен сравнительно-сопоставительный анализ семантики языковых единиц, составляющих лексическую категорию «детали одежды».

Предпринятое исследование позволяет сделать следующие выводы:

1. Лексем «ворот» / «воротник» (чув. *суха*), «карман» (чув. *кӗсье*), «подол» (чув. *аркӑ*), «рукав» (чув. *шанӑ*) обладают богатой языковой репрезентацией, характеризуются широким спектром ассоциативно-образных рядов и переносных значений.

2. В результате исследования фактического материала были установлены как общие (универсальные) черты языковой репрезентации лексем, так и национально-специфические особенности, вызванные различием русской и чувашской культур. Межъязыковые отношения между анализируемыми в настоящей работе лексемами строятся по принципу пересечения.

3. К общим (универсальным) чертам языковой репрезентации лексической категории «детали одежды» следует отнести то, что лексема «карман» (чув. *кӗсье*) в русском и чувашском языках имеет общее значение наличия / отсутствия денег. В результате исследования русской и чувашской паремиологии были выявлены и сходные актуализируемые мотивы, связанные с данной лексемой, — воровство, взяточничество, бедность. Лексема «подол» (чув. *аркӑ*) в сравниваемых языках обладает гендерной маркированностью и соотносится с представительницами женского пола, часто обозначая при этом легкомысленное поведение женщин.

4. Национально-специфические особенности репрезентации лексической категории «детали одежды» особенно заметны на примере лексем «ворот» / «воротник» (чув. *суха*) и «подол» (чув. *аркӑ*). В частности, только в русской языковой картине мира наблюдается сходная ассоциативно-образная организация лексем «ворот» / «воротник» и «шея». Яркая национально обусловленная черта чувашской лингвокультуры связана с имеющейся в ней концептуальной оппозицией «женский подол — мужская рука».

Результаты настоящего исследования призваны содействовать дальнейшему изучению особенностей репрезентации «одежного» кода в аспекте культурного и языкового разнообразия.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии потенциального или явного конфликта интересов.

Conflict of Interest

The author declares that there is no conflict of interest, either existing or potential.

Источники

- Гацак, В. М. (ред.). (1998) *Фольклорные сокровища московской земли: в 4 т. Т. 2. Традиционные необрядовые песни*. М.: Наследие, 544 с.
- Даль, В. И. (1989) *Пословицы русского народа: в 2 т.* М.: Художественная литература.
- Рыбникова, М. А. (1961) *Русские пословицы и поговорки*. М.: Изд-во Академии наук СССР, 230 с.
- Терентьева, О. Н. (сост.). (2007) *Чăваш халăх пултарулăхĕ. Ваттисен сăмахĕсем*. Шупашкар: Чăваш кĕнеке издательстви, 493 с.
- Юмарт, Г. Ф. (ред.). (1978) *Чăваш халăх сăмахлăхĕ: 6 т. Т. 3. Юрăсем*. Шупашкар: Чăваш кĕнеке издательстви, 512 с.
- Юмарт, Г. Ф. (ред.). (1984) *Чăваш халăх сăмахлăхĕ: 6 т. Т. 5. Вак жанрсем*. Шупашкар: Чăваш кĕнеке издательстви, 352 с.

Словари

- Андреев, И. А., Горшков, А. Е., Иванов, А. И. и др. (1985) *Чувашско-русский словарь*. М.: Русский язык, 712 с.
- Ашмарин, Н. И. (1928–1950) *Словарь чувашского языка: в 17 т.* Чебоксары: Чувашское государственное издательство.
- Елистратов, В. С. (1994) *Словарь московского арго*. М.: Русские словари, 699 с.
- Скворцов, М. И., Скворцова, А. В. (2002) *Русско-чувашский словарь*. Чебоксары: Чувашское книжное издательство, 511 с.
- Федоров, А. И. (2008) *Фразеологический словарь русского литературного языка*. М.: Астрель; АСТ, 828 с.
- Словарь русских народных говоров: в 52 выпусках.* (1965–2021) М.; Л.; СПб.: Наука.

Список литературы

- Абдина, Р. П. (2014) Хакасские фразеологизмы с компонентом «подол» и их параллели в русском языке. *Филологические науки. Вопросы теории и практики*, № 9–1 (39), с. 13–15.
- Болдырев, Н. Н. (2006) Языковые категории как формат знания. *Вопросы когнитивной лингвистики*, № 2, с. 5–22.
- Борисова, А. В., Григорьева, Е. А. (2025) Головной убор как элемент лингвокультурного кода нации (на материале русского и чувашского языков). *Филологические науки. Вопросы теории и практики*, т. 18, № 3, с. 977–981. <https://doi.org/10.30853/phil20250139>
- Воробьев, В. В. (2006) *Лингвокультурология*. М.: Изд-во Российского университета дружбы народов, 330 с.
- Григорьева, Е. А. (2025) Репрезентация лексической категории «Обувь» в русской и чувашской языковых картинах мира. *Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева*, № 1 (126), с. 13–20. <https://doi.org/10.37972/chgru.2025.126.1.002>
- Ковшова, М. А. (2015) *Семантика головного убора в культуре и языке. Костюмный код культуры*. М.: Гнозис, 368 с.
- Милова, Н. В. (2009) *Семантическое поле «костюм» в культурологическом пространстве русского языка. Автореферат диссертации на соискание степени кандидата филологических наук*. М., Российский университет дружбы народов, 19 с.
- Николаева, Е. В., Юрина, Т. Н. (2012) Кросс-культурный анализ русской и французской языковых картин мира (в семантическом поле «Одежда» / «Habillement»). *Перевод и сопоставительная лингвистика*, № 8, с. 71–75.
- Тихомирова, А. В. (2013) *Ассоциативно-деривационная и фразеологическая семантика наименований одежды в русской языковой традиции. Автореферат диссертации на соискание степени кандидата филологических наук*. Екатеринбург, Уральский федеральный университет, 28 с.

Sources

- Gatsak, V. M. (ed.). (1998) *Folklore treasures of the Moscow land: In 4 vols. Vol. 2. Traditional non-ritual songs*. Moscow: Nasledie Publ., 544 p. (In Russian)
- Dal', V. I. (1989) *Proverbs of the Russian people: In 2 vols*. Moscow: Khudozhestvennaya literatura Publ. (In Russian)
- Rybnikova, M. A. (1961) *Russian proverbs and sayings*. Moscow: Academy of Sciences of the USSR Publ., 230 p. (In Russian)

- Terent'eva, O. N. (ed.). (2007) *Chävash khaläkh pultaruläkhë. Vattisen sämakhësem. Shupashkar: Chävash këneke izdatel'stvi [The work of chavash khalakh. Proverbs. Cheboksary: Chuvash Book Publishing House]*. Cheboksary: Chuvash Book Publ., 493 p. (In Chuvash)
- Yumart, G. F. (ed.). (1978) *Chävash khaläkh sämakhläkhë: 6 t. T. 3. Yuräsem [Chuvash folk literature: Vol. 6. Vol. 3. Songs]*. Cheboksary: Chuvash Book Publ., 512 p. (In Chuvash)
- Yumart, G. F. (ed.). (1984) *Chävash khaläkh sämakhläkhë: 6 t. T. 5. Vak zhanrsem [Chuvash folk literature: Vol. 6. Vol. 5. Minor genres]*. Cheboksary: Chuvash Book Publ., 352 p. (In Chuvash)

Dictionaries

- Andreev, I. A., Gorshkov, A. E., Ivanov, A. I. et al. (1985) *Chuvash-Russian dictionary*. Moscow: Russky yazyk Publ., 712 p. (In Russian)
- Ashmarin, N. I. (1928–1950) *Dictionary of the Chuvash language: In 17 vols.* Cheboksary: Chuvashskoe gosudarstvennoe izdatel'stvo Publ. (In Russian)
- Elistratov, V. S. (1994) *Dictionary of Moscow Argot*. Moscow: Russkie slovari Publ., 699 p. (In Russian)
- Skvortsov, M. I., Skvortsova, A. V. (2002) *Russian-Chuvash dictionary*. Cheboksary: Chuvash Book Publ., 511 p. (In Russian)
- Fedorov, A. I. (2008) *Phraseological dictionary of the Russian literary language*. Moscow: Astrel' Publ.; AST Publ., 828 p. (In Russian)
- Dictionary of Russian Folk Dialects: in 52 issues.* (1965–2021) Moscow; Leningrad; Saint Petersburg: Nauka Publ. (In Russian)

References

- Abdina, R. P. (2014) Khakass phraseological units with the component 'hem' and their parallels in the Russian language. *Philology. Theory & Practice*, no. 9– 1 (39), pp. 13–15. (In Russian)
- Boldyrev, N. N. (2006) Linguistic categories as a format of knowledge. *Issues of Cognitive Linguistics*, no. 2, pp. 5–22. (In Russian)
- Borisova, L. V., Grigor'eva, E. A. (2025) Headwear as an element of a nation's linguistic and cultural code: a study of Russian and Chuvash languages. *Philology. Theory & Practice*, vol. 18, no. 3, pp. 977–981. <https://doi.org/10.30853/phil20250139> (In Russian)
- Vorob'ev, V. V. (2006) *Linguoculturology*. Moscow: Peoples' Friendship University of Russia Publ., 330 p. (In Russian)
- Grigor'eva, E. A. (2025) Representation of the lexical category “shoes” in the Russian and Chuvash language world views. *Yakovlev Chuvash State Pedagogical University Bulletin*, no. 1 (126), pp. 13–20. <https://doi.org/10.37972/chgpu.2025.126.1.002> (In Russian)
- Kovshova, M. L. (2015) *Semantics of headwear in culture and language. Costume code of culture*. Moscow: Gnozis Publ., 368 p. (In Russian)
- Milova, N. V. (2009) *The semantic field “costume” in the cultural space of the Russian language. Extended abstract of the PhD dissertation (Philology)*. Moscow, Peoples' Friendship University of Russia, 19 p. (In Russian)
- Nikolaeva, E. V., Yurina, T. N. (2012) Cross-cultural analysis of Russian and French linguistic world image (within the semantic field “Apparel” / “Habillement”). *Translation and comparative linguistics*, no. 8, pp. 71–75. (In Russian)
- Tikhomirova, A. V. (2013) *Associative-derivational and phraseological semantics of clothing names in the Russian linguistic tradition. Extended abstract of the PhD dissertation (Philology)*. Ekaterinburg, Ural Federal University, 28 p. (In Russian)

Сведения об авторе

Григорьева Евгения Андрияновна, аспирант кафедры русского языка и литературы, Чувашский государственный университет им. И. Н. Ульянова.

SPIN-код: 2946-3980, ORCID: 0009-0008-1715-0204, e-mail: zhenya24.98@mail.ru

Научный руководитель: Борисова Людмила Валентиновна, доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой русского языка и литературы, Чувашский государственный университет им. И. Н. Ульянова.

Author

Evgeniya A. Grigorieva, Postgraduate Student at the Department of Russian Language and Literature, Ulianov Chuvash State University.

SPIN: 2946-3980, ORCID: 0009-0008-1715-0204, e-mail: zhenya24.98@mail.ru

The supervisor is Lyudmila Valentinovna Borisova, Doctor of Philology, Associate Professor, Head of the Department of Russian Language and Literature, Ulianov Chuvash State University.